

18+

Любовь Левитина

*Тербарий
неисполненных
желаний*

Сборник стихов

Любовь Левитина
Гербарий неисполненных
желаний. Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18533604
ISBN 9785447467050

Аннотация

В представленный сборник включены стихи о жизни, какой я её вижу. Приглашаю тебя, мой друг читатель, побродить по страницам книжки: где-то задуматься, где-то задаться вопросом и, возможно, получить ответ, где-то погрустить или повеселиться. Я буду рада, если мои стихи в чём-нибудь тебе помогут. Стараюсь быть честной с собой и с тобой и надеюсь, что ты мневеришь.
Автор

Содержание

О любви	6
Я бы...	6
Человеку дождя	8
Неевклидово	10
Расставание	11
Ночное вино	12
Я уезжала...	13
Ты улыбнёшься так, как я привыкла...	14
Блюз	16
Сольвейг	17
Я не думаю о тебе	18
И попытаемся спасти...	20
Нет	22
Любовница	24
Чужой дождь	26
Один счастливый день	27
У погасшего костра	29
Танец белой цапли	30
Ты ушёл	31
В ресторане	32
Не жалко	33
Челнок	34
Твой поезд	36

От себя...	36
Твой поезд	37
Не зная правил	39
Гербарий неисполненных желаний	40
Выхода нет	41
Горечь	42
Переход	43
Вечер. Депрессивное	44
Бессонница	45
День-ночь	46
Убей дракона!	47
Выгорание	49
Там нет...	50
Эскалатор	51
Покаяние	52
Старые фотографии	54
Отпусти меня	55
Ты отдохнёшь	56
Вчерашний день	57
Анестезия	59
Эволюция времени	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Гербарий
неисполненных желаний
Сборник стихов
Любовь Левитина

© Любовь Левитина, 2016

ISBN 978-5-4474-6705-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О любви

Я бы...

*Ключья на черном гребне скал – ты тоже пряжа,
гора?*

*Сшила бы платье ему, чтоб не мёрз в объятьях
твоих.*

Группа Мельница «Ушба»

Затерявшийся, словно скит,
дом его обступили кряжи.
(Я б связала ему носки,
да боюсь, что не хватит пряжи).

Дождь польёт, будет снег потом,
одиночество в интерьере.
(Я бы сшила ему пальто,
да боюсь – ошибусь в размере).

Дверь сорвётся с тугих петель,
небо скуксится виновато.
(Застелила б ему постель,
да она до утра не смята).

Горы, схваченные каймой
облаков – шерстяные комья.
(Я послала б ему письмо,
если имя моё он вспомнит).

Позаботься о нём, гора,
защити, не грози обвалом.
(Я б забыла его... вчера,
да «вчера» уже миновало).

Человеку дождя

Вечер, полный дурмана и запахов леса,
обнимает луну, в зазеркалье маня,
дождевою, почти непрозрачной, завесой
отделяет пространство твоё от меня.
Отпускает к земле беспокойные струи,
те вонзаются – каждая, словно копьё,
миллионами жгучих шальных поцелуев
возбуждая её и питая её.

Ты врождённо влюблён в эти слёзы природы,
в эту хлипкую зябь и унылую хмарь,
близкий мне человек из осенней породы,
положивший любовь под дождём на алтарь.
Слыша вздохи органа в трубе водосточной,
рвёшься слиться с водой, раствориться в дожде
и, глотая взхлёб влажный воздух непрочный,
ты теряешься в нём. Ты везде и нигде.

Молчаливые тучи – небесные профи
по эскизам ветров из далёких сторон
лепят в небе твой бледный задумчивый профиль,
он из разных дождей для меня сотворён.
Силуэты домов за стеклом эфемерны,
мир стучится в окно, не просясь на ночлег.
В каждой капле дождя лебединую верность

я храню для тебя, странный мой человек.

Неевклидово

Всё, что в памяти сорное, – выполни
и добавь плодородной земли.

Мы из этой реальности выпали,
а в другую попасть не смогли.

В ту, где время плывёт акварельное
мимо пятых углов бытия,

где смыкаются две параллельные,
две прямые – твоя и моя,

где над мягкой зеленью выпасов
бесшабашные тучки летят...

Не успели, нечаянно выплеснув
вместе с грязной водой и дитя.

Два ковша наполняют Медведицы,
звёздный сок через край перелит.

Параллельные где-нибудь встретятся —
во Вселенной сплошной неевклид.

Расставание

К законному прильну лицом,
а по сторону по ту
убегают камни улицы
из рассвета в пустоту.

Силы тёмные и светлые
совершают ритуал,
кирпичами разноцветными
выстилая тротуар.

Ты идёшь по этой улице
по кирпичикам из «да»,
и шаги твои рифмуются
в тротуарный самиздат.

За древесными узорами,
там, за ломкой тишиной
солнце пишет книгу зорями,
недописанную мной.

В небеса, питомцем ночи став,
в кумачовый кабинет
молча всходит одиночество
по кирпичикам из «нет».

Ночное вино

*Черпает ширвану ложка месяца
из фарфоровой тарелки тишины.
Александр Спарбер*

Когда мазки картины многослойной
в ночном разливе станут не видны,
и смежит окна город беспокойный,
налью в бокал немного тишины.

Пусть ночь её посыплет звёздной крошкой
и размешает щедрою рукой,
а месяц, как серебряную ложку,
использует для трапезы такой.

Изысканный напиток. Дальше вот что:
бокал с вином из вкусной тишины
по лунному пути небесной почтой
пошлю тебе в предутренние сны.

Я уезжала...

Я ехала домой, я думала о Вас
Романс – автор Мария Пуаре

Непроходящие дожди, обиды —
слов колючих жала —
всё позади: я уезжала, всё оставалось позади.
Неслись цветочные луга,
маня к себе (остаться там бы...).

Зубами стыков лязгал тамбур, состав качался, убегал.
Да, что-то с чем-то не срослось,
и разгоняясь без оглядки,
тряслись вагоны в лихорадке и наклонялись вкривь
и вкось.

Перепевая наугад тоской подсказанные строфы,
мне предрекая катастрофу, колёсный стук звучал
не в лад.

Курила в дымное окно,
сверкали рельсы, как кинжалы,
я от надежды уезжала,
и было, в общем, всё равно.

Ты улыбнёшься так, как я привыкла...

*Ты тихо спросишь о моей зиме,
а я тебя с твоим поздравлю летом,*

.....

*Ты улыбнёшься так, как я привык
в воспоминаньях – сдержанно и кратко...*

Дмитрий Ревский

А мы тоску не примем на постой,
не усечём любовь рукой Прокруста.
Укрывшись за улыбкою простой,
я стисну пальцы тонкие, до хруста.

Пусть день стечёт в зияющий провал,
и потемнеет фон забытых станций,
моя любовь, упрямая, права,
не ведая границ и гравитаций.

Но устремляя свой полёт вовне
земного строго заданного цикла,
опустится туда, где ты во сне
мне улыбнёшься так, как я привыкла.

Прильнёт, обнимет, словно я сама,
вся в трепете от сонного ответа.

И для тебя расплавится зима
в объятиях покинутого лета.

Блюз

*Скажи мне, когда буревестник закончит круги...
Дмитрий Ревский*

Когда буревестник под вечер
закончит круги нарезать,
и мы перестанем бояться предсказанной бури,
печальные ангелы смогут
вернуться в заброшенный сад,
теперь одинокий и тенью захваченный бурой.

Нам близкое море, грустя,
напоёт очарованный блюз,
и запахом горького мёда наполнятся ноздри,
твои повлажневшие губы солёными станут на вкус,
моим поцелуем согреются сонные звёзды.

Подхватит меня в неземное
неспешный воздушный поток,
в тебе растворит, мы сольёмся, как две половинки,
и в медленном танце ритмичном
устанет качаться цветок
касясь щеки с полосой от прилипшей травинки.

Сольвейг

*Ты травы завязал узлом и вплел в них прядь моих
волос*

Группа Мельница «Господин горных дорог»

Дороги нелёгкие – пешие, горные...
Рюкзак за спиной – королевство твоё.
А женщина ждёт, и мотивы минорные
о будущей встрече в разлуке поёт.
Приливы когда-то любимого голоса
касаются нежно твоей головы,
вплетая в уже поседевшие волосы
попутные пряди высокой травы.
В пути бесконечном надежды затоптаны,
в спокойном приюте отпала нужда.
Но песня сливается с узкими тропами,
а женщина ждёт и не может не ждать.

Я не думаю о тебе

Я совсем не думаю о тебе,
примирилась легко с произволом лета,
с высотой, что в лазурный фуляр¹ одета,
и совсем не думаю о тебе.

Я совсем не думаю о тебе,
даже имя твоё позабуду вскоре,
в память нежно вложила цветы и море,
и совсем не думаю о тебе.

Я совсем не думаю о тебе,
возвращаюсь под вечер домой с работы,
ем бананы, пью кофе и жду субботы,
и совсем не думаю о тебе.

Я совсем не думаю о тебе.
Запятые не впишутся после точки.
Обживаю пристанище одиночки
и совсем не думаю о тебе.

Я совсем не думаю о тебе,
эти мысли приходят незванно, сами,
синевой, что твоими грустит глазами.

¹ Фуляр – лёгкая мягкая шёлковая ткань

Я всё время думаю о тебе!

И попытаемся спасти...

Замкнулся круг,
пространство сжалось,
в нём всё увиделось не так:
моя вина – какая жалость!
твоя вина – какой пустяк!

И ты меня простить не можешь,
и не помилован пока,
обломки башен – у подножий
красивых замков из песка.

Но меж разрушенных пристанищ
ходить по лезвию ножа
не буду, если перестанешь
меня в себе уничтожать.

Тогда без боли и упрёка,
сквозь наваждения и сны,
не раздирая одиноко
петлю затянутой вины,

а перейдя границу круга
и стиснув истину в горсти,
мы, может быть, простим друг друга
и попытаемся спасти.

Нет

Чувства обрывками рубищ,
сумрачный блюз.

Ты меня всё еще любишь?

– Нет, не люблю.

Гордая, сильная птица —

тяжесть плечу.

Может быть, хочешь проститься?

– Нет, не хочу.

Нитями слов перевита

сетка-беда.

Ты улетаешь для вида?

– Нет, навсегда.

Ранят минуты, как камни

бьют из пращи.

Ты отзовёшься пока мне?

– Нет, не ищи.

Время сотрёт прегрешенья,

спрячет пращу.

Грешник достоин прощенья?

– Нет, не прощу.

Звёздная ночь – медалистка
смотрит легко.
Ты прилетай, если близко.
– Нет, далеко.

Мир темнотою лоснится,
тонет в мозгу.
Можешь мне больше не сниться?
– Нет, не могу.

Любовница

Успокой меня, подружка-сигарета,
мы опять с тобой вдвоём проснулись утром,
чтоб черты лица с любимого портрета
сквозь прозрачный твой дымок увидеть смутно.

Тот, с портрета, иногда сюда приходит
отдохнуть душой... и телом обогреться,
говорит о неминуемом разводе,
но позднее: у жены больное сердце.

Обещает. С каждым словом слушать горше,
голос голову терзает, как напильник.
Я – жилетка, сексуальная партнёрша,
даже крыша иногда и собутыльник.

Так и тянется, не рвётся там, где тонко...

Только, знаешь, без него и воздух спёртый.
За него свою греховную душонку,
не торгуясь, я продам любому чёрту.

Маюсь, каюсь, для любви ищу запрета,
но она не поддаётся почему-то.

Пожалей меня, подружка-сигарета,

мы опять с тобой одни проснулись утром.

Чужой дождь

Я ненавижу эту женщину
в промокшем драповом пальто
за всё, что было Вам обещано
и что исполнено, за то,
что в жуткий ливень неожиданный
Вы ждали бы и день, и год
с упорством прочности невиданной,
уверенный, что не придёт.
За то, что дождь был добродетелен,
но уходить не захотел
и стал единственным свидетелем
слиянья душ, слиянья тел.

Чернеет небо, тучи хмурятся,
тяжелый ливень встал стеной.
Как жаль, что на размытой улице
всё это было не со мной!
Для Вас – хоть в град, хоть в ад, хоть в пОлымя,
забыть себя, и тёплый дом
сменить на тучи, под которыми
обняться с Вами и с дождём.

Один счастливый день

Варилось облако-пельмень
в небесном котелке.
Катился жаркий летний день
к закату налегке.
Из крана капала вода,
кипел на кухне чай...

Твой гость, неожиданный, как всегда,
войдя, сказал: «Встречай!»

Шуршал поток в соустьях вен,
в углу шуршаламышь.
Казался вечным краткий плен
в кольце железныхмышц.

А время, месяц на стекло
приклеив набекрень,
перечеркнуло и смело
один счастливый день.

Из крана капала вода,
в углу затихламышь...

Твой гость, прощаясь, как всегда,
сказал: «Пока, малыш!»

Любовь, скользнув за окоём
на временный постой
в обнимку с жарким летним днём,
укрылась темнотой.

У погасшего костра

*Ты представился той ипостасью огня,
что мерещится путнику в добром костре,
обещая уют и защиту в ночи.*

Елена Карпунова

Мне привиделся твой одинокий костёр,
отражённый в сиянии первой звезды.
У забытой реки, у замёрзшей воды,
там, где воздух остыл, там, где холод остёр.

Расколола я лёд, чтоб воды вскипятить,
но звезда сорвалась, потеряв небеса,
а костёр захлебнулся и стал угасать,
мне осталась лишь малость – кострище почти.

К закипающей медленно талой воде
ты добавил холодной, примерно на треть.

Но зато не грозит мне обжечься, сгореть:
без большого огня не случится беде.

Танец белой цапли

*и странный танец белых цапель,
неповторимый и чуждой*

Анна Бессмертная

Твою неправильную пьеску
сведу к логичному концу я.

Для сцены вышью занавеску,
где цапли белые танцуют.
Танцуют чопорно и строго,
освобождая тайну тантры,
и приближаются к порогу
почти закрытого театра.

И я уйду с прямой спиной,
нездешним танцем белой цапли
покончив с ролькою смешною,
что ты мне дал в своём спектакле.

Ты ушёл

Итак, подписан приговор, и вынесен вердикт:
ты не убийца и не вор,
за что тебя судить?
Так получилось – ты иной, упрёки не спасут.
Я не была тебе женой, и был недолог суд.

Закрыл портал, забыл пароль,
в двери оставил ключ.
Отныне сам себе король, беспечен и колюч.
Не обронил прощальных слов, забыл сказать: «прости».

Иди, свободный птицелов, лови своих жар-птиц.

В ресторане

Дивный танец – вторая страница любви.
Раз, два, три... Де жа вю... Поворот... Се ля ви.

Приникали теснее, щекою к щеке,
По летящему звуку скользя налегке.
Прорастали друг в друга...

А звук замерзал,
Ты меня провожал в затихающий зал,
Где в бокалах вино растворяло зарю,
И шептал мне за что-то: благодарю.

Не жалко

Закончилось придуманное счастье,
цена ему – в базарный день пятак.
Не жалко, что приходится прощаться,
а жалко, что приходится вот так.

Уходишь с непреклонностью солдата,
готовит память воду в решето.
Не жалко, что припомнится когда-то,
а жалко, что припомнится не то.

Закат всплывает медно-красной рыбой —
удачный, но потерянный улов.
Не жалко слов, что мы найти могли бы,
а жалко, что не ищем этих слов.

Кино немое. В долгом эпизоде
ты, я и третьей – скука, а не грусть.
Не жалко, что в финале ты уходишь,
а жалко, что и я не остаюсь.

Челнок

*А он, мятежный, просит бури
М.Ю.Лермонтов. «Парус»*

*Изломанный челнок, я снова брошен в море
М.Ю.Лермонтов. «Маскарад»*

Напрасный монолог, законченный в миноре,
ненужные слова мой ветхий парус мнут.
«Изломанный челнок, я снова брошен в море»,
где тонут острова изношенных минут.

Плывут обломки чувств, теряет мачта стройность,
на солнце и лазурь наложено табу,
где шторм задул свечу, там хмурит брови Хронос.
Я больше не везу ни счастья, ни бурь.

А морю не указ советоваться с нами,
торопится, летит, над словом воспарив,
у моря есть для нас то волны, то цунами,
то зверский аппетит, то впадина, то риф.

Напрасный монолог... Прости меня, амоге,
не стоят этих слов ни пряник и ни кнут.
«Изломанный челнок, я снова брошен в море»
загубленных часов, затопленных минут.

Твой поезд

От себя...

От себя никуда не деться.
Так случается не впервой,
что бронёй обрастает сердце
и не знается с головой.

В ставни робко стучится утро,
тихо просит открыть глаза.
Достучаться до сердца трудно
сквозь броню. И разбить нельзя.

Бьётся медленно, встанет, что ли,
принимая со стороны
отголоски неясной боли
и неявной моей вины?

Твой поезд

Твой поезд мчится, стучат колеса,
повсюду – ах!

С тобой – ответы на все вопросы
и свет в глазах.

В лугах за окнами – красотища,
кругом цветы.

Вагон задумок, и планов тыщи,
а в центре – ты.

Потом – подъёмы и полигоны,
в лугах осот.

Осталось планов на пол-вагона,
так, штук пятьсот...

Затихли птицы, и воздух плотен,
в лугах пырей.

Надежд осталось до пары сотен,
давай быстреей!

А птицы в зиму уходят клином,
в лугах снега.

Твой поезд мчится в тоннеле длинном,
ушёл в бега.

И не надавишь (всё бесполезно)
на тормоза.

В конце тоннеля открыта бездна
и свет – в глаза.

Не зная правил

Опять банкуешь, вздохнуть не смея,
не зная правил своей игры.

Свились рулеткой минуты-змеи,
неразличимые до поры.

Легко выкидывает коленца
судьба в рискованных странных па,
ведёт к раскладу невозвращенца
фортуной брошенная тропа.

Слабеет ветер надежды-веры,
едва коснувшись тропы хвостом.

Но ты лелеешь свою химеру...
и убиваешь её потом.

Заплатишь всем, и тебе заплатят,
поставишь всё на zero опять.

Проснёшься ночью, дрожа в кровати:
минуты выгнулись и шипят.

Лишь ветер ловит чужие карты,
рывком швыряет за Рубикон.

Ты снова будешь играть азартно —
кто знает, может, последний кон.

Гербарий неисполненных желаний

Пылится в заколоченном чулане,
а может быть, на старом чердаке
гербарий неисполненных желаний
и грезит о заботливой руке.

Забытые, отправленные в небыль,
листы, где нет ни времени, ни дат,
а только бледный цвет, засохший стебель,
сожжённый лес и вырубленный сад.

Гербарию загаданное снится,
он дремлет и не ведает пока,
что время копит новые страницы,
свисая паутиной с потолка.

Выхода нет

Предположим, что Некто, а может, Никто
был у всех на хорошем счету,
брился утром, костюмы носил и пальто,
твёрдо верил в свою правоту.

Но однажды, свершая задуманный спринт, ожидая побед
и наград, заблудился, споткнулся, попал в лабиринт и по-
мчался вперёд наугад, убегая от стен, опасаясь потерь, напа-
дений, падений, охот

...и увидел неплотно закрытую дверь с полустёртою над-
писью «Вход». Он шагнул в неизвестность, надеясь внутри
отыскать направляющий свет, ... а войдя, обнаружил на но-
вой двери беспощадное «Выхода нет».

Горечь

Столько горечи, столько горечи,
никогда всю её не вычерпать.
Под руками сломались поручни,
время тихо итожит вычеты.

Выпускаю слова весёлые,
пусть свободно гуляют в полночи,
а они, беззащитно голые,
покрываются слоём горечи.
Вычищаю её украдкой,
всё равно проступает пятнами...

Снова к чаю готовлю сладкое,
что ж оно так горчит, проклятое?

Переход

В лабиринтах перехода, где в потоке нету брода,
толпы разного народа продвигаются, спеша.
Здесь вещают и торгуют, мне – на улицу другую,
обгоняю на бегу я молодого крепыша.

Неприветливые лица – отчего бы людям злиться?
Впереди опять пылится неизвестный поворот.
Разобраться не могу я, мне – на улицу другую,
отойду и обмозгую, где там «дальше и вперёд».

Незатейливые годы – от свободы до свободы —
добавляют переходы, где несут, за рядом ряд,
лица, руки, сумки, ноги
в пасть удава бандерлоги,
не сбиваются с дороги и о жизни говорят.
Мимо жуликов и нищих, собираясь в сотни-тыщи,
по-простому счастья ищут, спотыкаясь на ходу.

Перед ними не в долгу я, мне – на улицу другую,
обогну ещё дугу и
эту улицу найду.

Вечер. Депрессивное

Вечер становится чёрно-белым,
жизнь растерялась и оробела.
Свет электрический не включаю.
Надо подняться и выпить чаю...
Час в темноте на диване, тупо.
Тело сковал безнадёжный ступор.
Слышала – лечится шоколадом,
но не хочу, ничего не надо.

Время сгущается между прочим,
медленным слизнем сползая к ночи.

Нужно снотворного пол-таблетки,
чтобы в кровати как в личной клетке
спрятаться, сбросить постылый день и
просто исчезнуть, без сновидений.

Бессонница

Ветром взбалмошным унесён
в многозвучье чужих мелодий,
не спешит возвращаться сон —
не приходит и не приходит...

Стрелка малая – возле двух,
время бьётся – звенят осколки,
не тревожат ни слух, ни дух
кривомысли и кривотолки.

Не влечёт небосвод немой,
блеклых звёзд проступают пятна.

Просто тянет к себе домой,
только где это – непонятно.

День-ночь

Налёты ветра подгоняют утро,
сон утекает в едкую мигрень,
часы считают время поминутно,
и скоро – день.

Ещё кусочек жизни уничтожит,
отправит в никуда, в расход, вразброд,
напомнит, что вчерашний был моложе
и не соврёт.

Смешную часть надежды-невелички
пинком, плевком, толчком откинет прочь.
Потом... и сам сгорит в небесной стычке,
и снова – ночь.

Убей дракона!

El sue; o de la raz; n produce monstruos («Сон разума рождает чудовищ») – испанская поговорка

Тьма не сдаётся и утро раннее
тоже считает своим уловом,
неумолимое подсознание
смотрит драконом многоголовым.

Выползли страхи на обозрение,
перемешали картины быта.
Бьётся дракон с беззащитным временем —
время повержено и убито.

Сильный, жестокий, всепобеждающий,
ночью ему пьедестал доверен.
Гимн сочиняет (а песня та ещё...),
пламенем дышит и жрёт царевен,

пляшет настойчивый дикий танец и
в пляске неистовой скалит рожи.
Что от царевны к утру останется?
Или драконихой станет тоже?

.....

Свет, заблудившийся в дебрях каменных,
всё же пробился в проём оконный,

зайчики скачут – лови руками их,
тъма отступила – убей дракона!

Выгорание

Грядущий день не вычислить заранее,
наплечный крест – погибель для ума.
Приводит время душу к выгоранию,
хотя снаружи и внутри – зима.

Петляет поворотами и стрессами
потёртая годами колея,
стыкуются с изогнутыми рельсами
квадратные колёса бытия.
Напрасны суетливые старания
построить дни в невыломанный ряд.

Эмоции подвластны выгоранию,
и лишь стихи упорно не горят.

Там нет...

К чему глотать слова и комкать простыни,
и память шить,
когда один окажешься на острове
своей души?

Ты сам себя удержишь в этой местности,
ты сам злодей,
там есть остатки гордости и честности,
но нет людей.

Кому тогда вопросы и стенания,
какой резон?
Там сердце бой ведёт за выживание,
как Робинзон.

Там всю неделю только понедельники
и тусклый свет,
колючие кустарники и ельники,
а пятниц нет.

Зачем делить равнину эту серую,
на дни дробя?
И, если мерить собственной мерою,
там нет тебя.

Эскалатор

Вооружившись копьями и латами,
и мудростью заслуженных седин,
на бесконечно длинном эскалаторе
всё глубже опускаешься, один.

Карабкаясь наверх, крича и падая,
в надежде на спасительный этаж,
ползёшь совсем без сил, но надо... надо ли?
Площадок нет, устойчивость – мираж.

Неумолима «лестница-чудесница»,
не одолеть текущей западни.
Слова увянут, время перебесится.

Бегут ступеньки – ниже, ниже, ни...

Покаяние

Отойду от себя и приму, что душою изведано,
оглянусь на краю у обрыва ушедшего дня,
вспомню смутные образы тех,
кто нечаянно предан мной,
и – утративших статус друзей —
тех, кто предал меня.

Вмиг, судьбой разведённые,
стянутся рваные линии,
что внутри оставляют ничем не смываемый след,
и по этому следу цепочкой промчатся эринии*,
а в шкафу шевельнётся давно позабытый скелет.

Серым пеплом осыплются
тусклые будни и новости,
станет нудной заботой привычно отлаженный быт,
и потянутся щупальца
крепко запрятанной совести,
чтобы душу измучить, а может быть, даже убить.

Снова спустится ночь тёмной взвесью
рассеянной копоты,
закрывая ворота для света и окна черня.
Я готова простить вас, кто предал доверие походя,
а кого предала, дорогие, простите меня!

**Эрини – богини мщения, обитательницы Аида.*

Старые фотографии

Тени пляшут над столом,
тусклый свет сгоняя к ночи.
Дождь. Ущербная луна совершает водный трафик.
Я читаю допоздна стопку старых фотографий,
словно повесть о былом – о хорошем и не очень.

Как рисунки угольком —
чёрно-белое пространство.
Будто впрямь защищены от разлуки, от беды и
от морщин и седины, все такие молодые,
только где-то далеко – кто ушёл и кто остался.

В дребезжании стекла звуки времени и ветра,
и глядят издалека годы – загнанные кони.
И дрожит моя рука, и дрожит в моей ладони
жизнь...
которая прошла...
невозвратно, незаметно...

Отпусти меня

Открывается небо для нового дня,
и дурная тоска обнимает меня,
облегает меня, как рубашка нательная.
Не смертельная.

Я зарююсь в подушку и спрячу глаза,
но проснуться придётся, иначе нельзя.
Видно, жизнь, даже если она непутёвая,
штука клёвая.

Откровенна со мною давно, и на «ты»,
переводит часы и разводит мосты,
может горьким дождём выжать облако талое,
но усталая.

Я вырастаю в неё в суетливом бреде,
только если не выдержу, если уйду,
никогда и не вспомнит пустячного имени.
Отпусти меня!

Ты отдохнёшь

Подожди немного,

Отдохнёшь и ты.

М.Ю.Лермонтов «Из Гёте»

Что тебя треплет, ломает и мучает?
Сбрось, изгони из рассудка, из сердца ли.
Всё переменится, может быть, к лучшему,
вздогнут артерии новыми герцами.
Всё переменится, всё перемелется,
ты, наконец, отдохнёшь по-хорошему,
эта не вьюга, а просто метелица
ляжет на добрую землю порошею.
Скроются страхи безумными совами,
выпорхнут радости лёгкими феями,
вырвется к небу побегамии новыми
всё, что тобой изначально посеяно.
Всё, что давило ночами бесслёзными,
всё, что не понято, но не отброшено.
Может быть, что-то ещё и не поздно и
ты, наконец, отдохнёшь по-хорошему.

Вчерашний день

*Ровно в полночь день со склада уйдёт со счёта
на счёт.*

А. Макаревич

Вчерашний день неспешно прожит:
без откровений и чудес.
Его на память ночь помножит,
снесёт на склад, проверит вес.

Рассмотрит день астролог строгий —
спец по прогнозам и мечтам —
как экземпляр, один из многих,
уже складированных там.

Поверь, грустить о нём не стоит,
он был по-своему хорош,
но больше нас не беспокоит,
при том – назад не заберёшь.

Ковёр небесный монохромный
и кучевые облака,
и двор, где бродит пёс бездомный,
придержит бережно пока.

Дождётся дня очередного,

отдаст припрятанный запас,
и день с утра наступит, новый,
ещё неведомый для нас.

Анестезия

Правда скрыта за ложью.

А ложь – в позолоте.

Елена Картунова

Стража памяти истине ставит заслон,
не сдаётся душа и желает эстетик,
утешительным вымыслом тыл укреплён:
правда болью пугает, а ложь – анестетик.
Проглоти перед сном и себя не тревожь,
плюс и минус легко уживаются в паре.

Только правда размочит лечебную ложь
и откроется вся,
и жестоко ударит.

Эволюция времени

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.